

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

логически можно датировать началом II в. до н. э., то вопрос о времени ее завершения пока остается открытым. Можно предполагать, что финал улуг-хемской культуры относится ко времени общего заката господства хунну на исторической арене на рубеже эр, когда они потеряли свои позиции и на Саяно-Алтае, а позднее их место занимают племена сяньби. В Туве с эпохой сяньби можно предварительно связывать могильник Аймырлыг XXXI, где встречаются предметы сяньбийской торевтики. В это же время здесь, вероятно, появляются памятники кокэльской культуры, происхождение и время появления которой также пока остаются открытыми (Савинов 2003: 52–53).

Литература

Килуновская М. Е., Леус П. М. 2018. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. № 24. СПб. С. 125–152.

Леус П. М. 2017. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск. С. 181–184.

Миняев С. С. 2019. Актуальные проблемы изучения сюнну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб. С. 203–208.

Савинов Д. Г. 2003. Проблема хронологии кокэльской культуры в историческом аспекте // Проблемы истории России. № 5. Екатеринбург. С. 49–59.

Таскин В. С. 1968. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.

QUESTIONS OF THE CHRONOLOGY OF THE HUNNU EPOCH IN TUVA

Pavel M. Leus

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Tuva, Hunnu, Xiongnu, chronology, Sayan-Altai.*

In the epoch of the flowering of the Hunnu State, the territory of Tuva and the entire Sayan-Altai region came to be under its power. This resulted in essential ethnical and cultural changes leading to disappearance of the local “Scythian” population here. The latter was replaced by foreign tribes which penetrated Tuva as the immediate conquerors or newcomers pertaining to the Hunnu confederation. These historical processes were reflected in the replacement of archaeological cultures in Tuva where a new Ulug-Khem culture close to the culture of Hunnu appeared.

The results of excavations of the cemeteries of Ala-Tey and Terezin relate the historical stage when Tuva was part of the Hunnu State with the Ulug-Khem culture which is an archaeological reflection of that epoch. Its appearance in Tuva is datable to the early 2nd century BC, while the time of its end is still unclear. It can be just supposed that this time was that of the general decline of the domination of Hunnu at the turn of the eras.

CHANGES IN CENTRAL CHINA — THE IMPACT OF THE STEPPE, 8TH–5TH CENTURIES BC

Jessica Rawson

University of Oxford, Oxford, United Kingdom

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-119-121

Keywords: *steppe, tombs, kurgans, horses, artefacts.*

The geographical proximity of the Eurasian steppe to China determines and underpins interactions of the inhabitants of these two regions. Early Chinese dynasties, the Shang

(c. 1500–1046 BC) and the Zhou (1046–221 BC), occupied the low agricultural land of the middle and lower Yellow River basin, known as the Central Plains. Lowland, originally forested, formerly known as Manchuria, reaches the Amur River and forms a clear link with the steppe. More critical links with the steppe are created by the highland of the steppe extending south of the Mongolian plateau and forming an Arc of mountains, deserts and forests around the Central Plains (Rawson 2017), with rivers running towards the Central Plains, encouraging contact from north to south. The peoples of the Central Plains also pushed north.

From the mid-third millennium BC, a continuous interaction between the peoples of the steppe, the Arc and the Central Plains' can be tracked in distinctive materials and specific methods of burials (Rawson 2020). The principal Zhou period elite burial type is easily identified, with a rectangular vertical pit, a wooden coffin chamber at the base and one or two inner coffins. The main occupant was placed on his or her back in an extended supine position; attendants or animal parts were very rare.

The collapse of the central authority of the Zhou in 771 BC coincided with the growth of mounted warfare and the use of iron in the steppe, impacting on central China and seen in changes in burial practices. A remarkable tomb at Heyatou in Shandong province, the area of the eastern Qi state, (probably of the 6th to 5th centuries BC), although robbed, displays two features with northern origins: a central enclosure of the main burial with a stone encasement, mirroring the burials of outsiders in the tombs of the Upper Xiajiadian period in the northeast; even more impressive, is a ring of 600 neatly laid horses around the outer perimeter (Zhang, Luo 1984: pl. 3). Such a display of horses, unknown within central China, resulted from interests in horse sacrifice in Mongolia and the Eurasian steppe. Other Qi state tombs retained burial of attendants in their own coffins, indicating

Fig. 1. General view of a reconstruction of the 6th century tomb at Bengbu, displayed in the site museum at Bengbu, Anhui province. At the centre are the coffins of the main occupant and attendants, with a large wooden box holding a group of bronzes and ceramics and, in a separate section, animal bones. Imitation boulders in clay ring the pit. Above them, to the right, is a model of the mounds and stones under the main mound and, to the left, a reconstruction of the radiant pattern of lines in white clay. Author's photograph

again contact with the north where this was customary (Grjaznov 1984: fig. 6). Qi tombs also have large mounds, presumably imitating stone mounds of the northeast, and kurgans in the steppe.

An even more unusual sixth-century BC tomb at Bengbu in Anhui province also has a large mound over the grave. It comprises a deep circular pit, a type completely unknown in the Zhou tradition. Over the pit was a ring of small mounds and scattered stones, and lower still a radiant pattern in white clay, above a ring of earthen boulders, seemingly imitating stones of kurgans (fig. 1). The tomb occupant was surrounded by attendants in their own coffins. Even less typical of the Zhou, is a distinct section with animal parts, once more characteristic of the north (fig. 1) (Anhuisheng Wenwu Kaogu Yanjiusuo, Bengbushi Bowuguan 2013).

The third major tomb for the Marquis of the Zeng state, in Hubei province, dating to 433 BC, was sounded by burials of male guardians, again a unique feature and not typical of central China (Hubeisheng Bowuguan 1989). Two categories of artefact indicate contact with the steppe. The first is the new introduction of antlers as cheek pieces with bronze bits for horses. The second artefact type consists of small tightly wound silver and tin spirals. These are found in the kurgans at Arzhan in the Tuva for example (Chugunov et al. 2010: fig. 72). This area was to become part of the Chu state, which also took over steppe interests, especially in the use of gold.

While at this time, peoples of central China borrowed steppe traditions, as in earlier periods, they modified them to accommodate them within their own customs (Rawson 2017).

Literature

- Anhuisheng Wenwu Kaogu Yanjiusuo, Bengbushi Bowuguan. 2013. Zhongli jun Bai mu. Beijing.
- Chugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz.
- Grjaznov M. P. 1984. Der Grosskurgan von Arzan in Tuva, Südsibirien. Munich.
- Hubeisheng Bowuguan. 1989. Zenghou Yi mu. Beijing.
- Rawson J. 2017. 'China and the steppe: reception and resistance. In: *Antiquity*. 91. P. 375–88.
- Rawson J. 2020. The Tomb of the First Emperor: steppe contacts and the origins of the attendant burials. In: Tseng L. (ed.). *Age of Empires, Comparisons and Interactions between East and West in Antiquity*. Cambridge. In press.
- Zhang X., Luo X. 1984. Qigucheng wuhao Dongzhou mu ji daxing xunmakeng de fajue. In: *Wenwu*. 9. P. 14–19.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КИТАЕ — СТЕПНОЕ ВЛИЯНИЕ В VIII–V ВВ. ДО Н. Э.

Дж. Роусон

Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания

Ключевые слова: степь, гробницы, курганы, кони, артефакты.

Географическая близость Китая к степи и некоторые климатические изменения способствовали передвижению предметов материальной культуры из степи на Центральную равнину — крупный земледельческий регион в пределах среднего и нижнего бассейна Желтой реки (Хуанхэ). После падения центральной власти дома Чжоу в 771 г. до н. э. конкурирующие между собой государства вступили в контакт со своими соседями, содействуя тем самым появлению артефактов степного происхождения в Центральном Китае. Серьезные изменения в погребальной практике стали еще одним результатом этого процесса. Курганы, насыпанные над могилами, каменные облицовки центральных могил, многочисленные сопутствующие захоронения и жертвоприношения коней, а также уникальные круглые гробницы — все это было обусловлено контактами с северными областями и степью. Эти новшества были особенно распространены в Восточном Китае и в районах, находившихся под контролем царства Чу. Конная гарнитура, золотые украшения и вооружение также наглядно демонстрируют контакты с миром степей.